

Игоша

Я сидел с нянюшкой в детской; на полу разостлан был ковер, на ковре игрушки, а между игрушками -- я; вдруг дверь отворилась, а никто не вошел. Я посмотрел, подождал -- все нет никого.

-- Нянюшка! нянюшка! Кто дверь отворил?

-- Безрукий, безногий дверь отворил, дитятко! Вот безрукий, безногий и запал мне на мысль.

-- Что за безрукий, безногий такой, нянюшка?

-- Ну, да так -- известно, что,- отвечала нянюшка, безрукий, безногий.

Мало мне было нянюшкиных слов, и я, бывало, как дверь ли, окисли отворится -- тотчас забегу посмотреть: не тут ли безрукий -- и, как он ни увертлив, верно бы мне попался, если бы в то время батюшка не возвратился из города и не привез с собою новых игрушек, которые заставили меня на время позабыть о безруком.

Радость! веселье! прыгаю! люблюсь игрушками! А нянюшка ставит да ставит рядом их на столе, покрытом салфеткою, приговаривая: "Не ломай, не разбей, помаленьку играй, дитятко". Между тем зазвонили к обеду.

Я прибежал в столовую, когда батюшка рассказывал, отчего он так долго не возвращался. "Все постромки лопались,- говорил он,- а не постромки, так кучер то и дело что кнут свой теряет; а не то пристяжная ногу зашибет, беда, да и только! Хоть стань на дороге; уж в самом деле я подумал: не от Игоши ли?"

-- От какого Игоши? -- спросила его маменька.

-- Да вот послушай,- на завражке я остановился лошадей покормить; прозяб я и вошел в избу погреться; в избе за столом сидят трое извозчиков, а на столе лежат четыре ложки; вот они хлеб ли режут, лишний ломоть к ложке положат; пирога ли попросят, лишний кусок отрушат.

-- Кому это вы, верно, товарищу оставляете, добрые молодцы? -- спросил я.

-- Товарищу не товарищу,- отвечали они,- а такому молодцу, который обид не любит.

-- Да кто же он такой? -- спросил я.

-- Да Игоша, барин. Что за Игоша, вот я их и ну допрашивать.

-- А вот послушайте, барин,- отвечал мне один из них, -- летом у земляка-то родился сынок, такой хворенький, Бог с ним, без ручек, без ножек,- в чем душа; не успели за попом сходить, как он и дух испустил; до обеда не дожил. Вот, делать нечего, поплакали, погоревали, да и предали младенца земле.- Только с той поры все у нас стало не попрежнему... впрочем, Игоша, барин,

малый добрый: наших лошадей бережет, гривы им заплетает, к попу под благословенье подходит; но если же ему лишней ложки за столом не положишь или поп лишнего благословенья при отпуске в церкви не даст, то Игоша и пойдет кутить: то у попадьи квашню опрокинет или из горшка горох выбросает; а у нас или у лошадей подкову ломает, или у колокольчика язык вырвет -- мало ли что бывает.

-- И! да я вижу, Игоша-то проказник у вас,- сказал я, -- отдайте-ка его мне, и если он хорошо мне послужит, то у меня ему славное житье будет; я ему, пожалуй, и харчевые назначу.

Между тем лошади отдохнули, я отогрелся, сел в сани, покатился: не отъехали версты -- шлея соскочила, потом постромки оборвались, а наконец оглобля пополам -- целых два часа понапрасну потеряли. В самом деле подумаешь, что Игоша ко мне привязался.

-- А вот зачем,- отвечал он тоненьким голоском,затем, -- прибавил он густым басом,- что твой батюшка всему дому валежки сшил, а мне, маленькому,- заговорил он снова тоненьким голоском,- ни одного не сшил, а теперь мне, маленькому, холодно, на дворе мороз, гололедица, пальцы костенеют.

-- Ах, жалкий, -- сказал я сначала, но потом, одумавшись,- да какие пальцы, негодный, да у тебя и рукто нет, на что тебе валежки?

-- А вот на что,- сказал он басом,- что ты вот видишь, твои игрушки в дребезгах, так ты и скажи батюшке: "Батюшка, батюшка, Игоша игрушки ломает, валежек просит, купи ему валежки",- а ты возьми да и брось их ко мне в окошко.

Игоша не успел окончить, как нянюшка вошла ко мне в комнату, Игоша не прост молодец, разом лыжи наострил, а нянюшка -- на меня: "Ах ты, проказник, сударь! зачем изволил игрушки сронить? Нельзя тебя одного ни на минуту оставить. Вот ужо тебя маменька..."

-- Нянюшка! Не я уронил игрушки, право, не я, это Игоша...

-- Какой Игоша, сударь?.. еще изволишь выдумывать!

-- Безрукий, безногий, нянюшка. На крик прибежал батюшка, я ему рассказал все, как было, он расхохотался.

-- Изволь, дам тебе валежки, отдай их Игоше. Так я и сделал. Едва я остался один, как Игоша явился ко мне, только уже не в рубашке, а в полушубке.

-- Добрый ты мальчик,- сказал он мне тоненьким голоском,- спасибо за валежки; посмотри-ка, я из них себе какой полушубок сшил, вишь, какой славный!

И Игоша стал повертываться со стороны на сторону и опять к столу, на котором нянюшка поставила свой заветный чайник, очки, чашку без ручки и два кусочка сахара -- и опять за салфетку, и опять ну тянуть.

-- Игоша! Игоша! -- закричал я,- погоди, не роняй -- хорошо мне один раз

прошло, а в другой не поверят; скажи лучше, что тебе надобно?

-- А вот что,- сказал он густым басом,- я твоему батюшке верой и правдой служу, не хуже других слуг ничего не делаю, а им всем батюшка к празднику сапоги пошил, а мне, маленькому,- прибавил он тоненьким голоском, -- и сапожишков нет, на дворе днем мокро, ночью морозно, ноги ознобишь...- и с этими словами Игоша потянул за салфетку, и полетели на пол и заветный нянюшкин чайник, и очки выскочили из очешника, и чашка без ручки расшиблась, и кусочек сахара укатился...

Вошла нянюшка, опять меня журит: я на Игошу, она на меня.

-- Батюшка, безногий сапогов просит, -- закричал я, когда вошел батюшка.

-- Нет, шалун,- сказал батюшка,- раз тебе прошло, в другой раз не пройдет; эдак ты у меня всю посуду перебьешь ; полно про Игошу-то толковать, становись-ка в угол.

-- Не бось, не бось, -- шептал мне кто-то на ухо,- я уже тебя не выдам.

В слезах я побрел к углу. Смотрю: там стоит Игоша, только батюшка отвернется, а он меня головой толк да толк в спину, и я очутюсь на ковре с игрушками посередине комнаты; батюшка увидит, я опять в угол; отворотится, а Игоша снова меня толкнет.

Батюшка рассердился. "Так ты еще не слушаться? -- сказал он, -- сей час в угол и ни с места".

-- Батюшка, это не я... это Игоша толкается.

-- Что ты вздор мелешь, негодяй; стой тихо, а не то на целый день привяжу тебя к стул.

Рад бы я был стоять, но Игоша не давал мне покоя: то ущипнет меня, то оттолкнет, то сделает мне смешную рожу -- я захохочу; Игоша для батюшки был невидим -- и батюшка пуще рассердился.

-- Постой,- сказал он, -- увидим, как тебя Игоша будет отталкивать,- и с этими словами привязал мне руки к стулу.

А Игоша не дремлет: он ко мне -- и ну зубами тянуть узлы; только батюшка отворотится, он петлю и вытянет; не прошло двух минут -- и я снова очутился на ковре между игрушек, посередине комнаты.

Плохо бы мне было, если б тогда не наступил уже вечер; за непослушание меня уложили в постель ранее обыкновенного, накрыли одеялом и велели спать, обещая, что завтра, сверх того, меня запрут одного в пустую комнату.

Ночью, едва нянюшка загнула в свинец свои пукли, надела коленкорový чепчик, белую канифасную кофту, пригладила виски свечным огарком, покурила ладаном и захрапела, я прыг с постели, схватил нянюшкины ботинки и махнул их за форточку, приговаривая вполголоса: "Вот тебе, Игоша".

-- Спасибо! -- отвечал мне со двора тоненький голосок.

Разумеется, что ботинок назавтра не нашли, и нянюшка не могла надивиться, куда они девались.

Между тем батюшка не забыл обещания и посадил меня в пустую комнату, такую пустую, что в ней не было ни стола, ни стула, ни даже скамейки.

Как вдруг форточка хлопнула, разбилась, зазвенела, и Игоша, с ботинкой на голове, запрыгал у меня по комнате. "Спасибо! Спасибо! -- закричал он пискляво.- Вот какую я себе славную шапку сшил!"

-- Ах, Игоша! не стыдно тебе? Я тебе и полушубок достал, и ботинки тебе выбросил из окошка,- а ты меня только в беды вводишь!

-- Ах, ты неблагодарный,- закричал Игоша густым басом,- я ли тебе не служу, -- прибавил он тоненьким голоском,я тебе и игрушки ломаю, и нянюшкины чайники бью, и в угол не пускаю, и веревки развязываю; а когда уже ничего не осталось, так рамы бью; да к тому ж служу тебе и батюшке из чести, обещанных харчевых не получаю, а ты еще на меня жалуешься. Правда у нас говорится, что люди -- самое неблагодарное творение! Прощай же, брат, если так, не поминай меня лихом. К твоему батюшке приехал из города немец, доктор, который надоумил твоего батюшку тебя за азбуку посадить, да все меня к себе напрашивается, попробую ему послужить; я уж и так ему стклянки перебил, а вот к вечеру после ужина и парик под бильярд закину -- посмотрим, не будет ли он тебя благодарнее...

С сими словами исчез мой Игоша, и мне жаль его стало.